

ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГА

Это будет рассказ о двух днях в жизни комсомольца Гайка Шадунца. Он никогда не забудет этих двух дней, этих сорока восьми часов, в течение которых подверглось беспощадной проверке все то, что двадцатилетний юноша сумел воспитать в себе.

Те дни были 1 и 2 декабря 1941 года.

Шла великая битва под Москвой.

Защитник Москвы! Спустя десятилетия те, кто сражался тогда на подмосковных рубежах, будут вспоминать об этом, как о самой большой своей гордости.

Старший сержант Шадунц был участником великой битвы.

Орудие зенитной артиллерии, которым он командовал, занимало огневую позицию в таком пункте, где разразилась яростная двухдневная атака фашистских танков. Зенитчик Шадунц стрелял в эти грозные дни по наземным целям.

Это было в районе железнодорожной станции Хлебниково. Позади зенитных орудий тянулась вдоль шоссе деревня Кио. Москва была близка — сейчас же за деревней, параллельно линии фронта, проходило полотно Окружной железной дороги. Там курсировал наш бронепоезд. Он поддерживал своим огнем те пункты фронта, которые оказывались по ходу сражения наиболее угрожаемыми. Всякий, даже самый малый наш отход назад в этом месте открывал бы врагу возможность захватить станцию и перерезать железнодорожную линию. А тогда наш бронепоезд уже не мог бы свободно передвигаться вдоль всей линии боя и должен был бы уйти. Фашистские же танки получили бы выход на шоссе. На этом участке фронта (так же как и на других участках нашей линии подмосковной обороны) перед защитниками Москвы подлинно было только одно: «Ни шагу назад. Стоять насмерть».

Долгие, бесконечные часы утром 1 декабря, и ночью, и на рассвете, и в полдень 2 декабря бушевал над нашими позициями вражеский огневой вихрь — предвестник атаки. Снег вздымался от ударов

пуль, от взрывов снарядов, мин и крутился серебрящимся смерчем. Одиннадцать фашистских танков выползли на тот узкий отрезок фронта, на пригорке перед деревней Кио, где стояло орудие Шадунца. Атака была отбита. Но 2 декабря немцы выслали двадцать три танка. Развернувшись в две шеренги, они подкатывались к нашим позициям. Был момент, когда смертоносный концентрированный огонь врага, казалось, скосил наши огневые точки; орудия замолкли; наша пехота, подавшись несколько ближе к деревне, залегла. На фронте протяжением в несколько сот метров осталась на какое-то короткое время лицом к лицу с надвигающимся врагом одинокая горстка смельчаков — орудийный расчет комсомольца Шадунца.

И вражеский натиск был отбит. Семь немецких танков превращены в пылающие костры, в бесформенные груды металла одним лишь орудием комсомольца Шадунца.

И с этого момента переломился ход боя. Двухдневные атаки бесславно кончились для фашистов. На третий день наши подошедшие резервы уравнили силы. А потом началось общее наступление наших войск.

Как же достигли своей победы бойцы орудийного расчета товарища Шадунца в эти два дня? Как вели они себя во время боев? И как в минуту решительного испытания они просто, естественно совершили дела, которые по праву названы геройскими делами?

2

Гайк Авакович Шадунц, армянин по национальности, родился в Нагорном Карабахе. Как большинство горцев, его отец был отличным охотником. Мальчик бродил с отцом по крутизнам и ущельям, выслеживая и настигая добычу. В его жилах текла горячая кровь. Добыча иногда показывалась совсем рядом. Но и отец и мальчик знали, что близость на круглых горных тропах бывает обманчивой и что не стремительный, неосторожный прыжок, а долгий обходный путь иной раз вернее приведет к цели. Горы учили с малых лет терпению, неутомимости, выдержке, упорству.

Гайк родился в 1920 году. Он не помнит никакого другого строя жизни, кроме советского строя. Шестнадцати лет он вступил в комсомол. Комсомол воспитал в нем чувство коллективизма. В комсомольском коллективе юноша Шадунц возмужал; он вырос внутренне. Укрепились, развились те качества его, которые дала ему его родина, его народ: смелость, прямота, скромность, настойчивость. Еще в школе он был одним из лучших физкультурников. Его отличали и награждали на республиканских стрелковых соревнованиях, — и он носил значок ворошиловского стрелка. В комсомольской организации отметили, что этот горячий, увлекающийся, настойчивый юноша способен зажигать ребят и в то же время дисциплинировать их. Его послали в 180-ю среднюю школу пионервожатым. Школа была слабой по дисциплине и по успеваемости.

Юго-западный фронт. Младший лейтенант И. Кочуркин указывает цель бойцу-комсомольцу Рахиму Рузматову, ведущему огонь из противотанкового ружья.

— Справишься? — спросили его в комсомольском комитете. — Берись за дело. Мы поможем.

Он проводил в школе все свободное время. И справился. Когда затем 180-я школа, недавно самая отсталая, оказалась на первом месте в районе по успехам и по дисциплине, была особо отмечена работа пионервожатого Шадунца.

Он окончил десятилетку. Вся необъятная ширь жизни была перед ним. Его предки знали мотыгу, меткое ружье и косматую одежду горцев — бурку. Как многие среди нашей молодежи, среди юного поколения советских людей, переделывавших землю, он почувствовал тягу к точным и могучим машинам и механизмам. Он наметил свой жизненный путь: закончить машиностроительный факультет Бакинского индустриального института, стать инженером. Но это — впереди. Сейчас его звала Красная Армия. С радостью он узнал на призывном пункте в 1939 году, что принят в ее ряды.

Он очутился на зенитной батарее. Перед ним были те чудесные механизмы, о которых он мечтал, — такие сложные, такие точные и такие послушные в руках того, кто сумеет их хорошо понять и изучить.

И, как всегда, упорный, упрямый, терпеливый, он взялся за новое

дело. Он изучил баллистику. Того, что он знал по механике и по математике, оказалось недостаточно для этого, и он налег на книги и тетради со сложными формулами. Он изучал тактику боя. И срудие становилось послушным молодому командиру, — из своей зенитной пушки он мог теперь в совершенстве поражать не только воздушные, но и наземные цели. Он стал мастером своего оружия.

Шадунц добился того, что оказался в своем подразделении на первом месте по состоянию материальной части. Его орудие всегда сохранилось в образцовой чистоте и в абсолютной боевой пригодности.

В армии он оставался активным комсомольцем-организатором. Он стал секретарем бюро комсомольской организации подразделения.

А в своем маленьком людском коллективе, орудийном расчете, где успех работы каждого особенно зависит от точности работы всех остальных, Шадунц стремился добиться того, чтобы любой из пяти бойцов мог заменить в бою выбывшего товарища и каждый, в случае нужды, сумел бы стать на место командира.

И вот пришла боевая проверка...

3

Ночью 23 ноября 1941 года батарея получила боевой приказ: выступить на фронт. До того батарея защищала Москву от воздушных пиратов. Теперь батарея перешла из Москвы на существовавшее тогда Дмитровское направление.

Она заняла огневую позицию вблизи деревни Ложки, на переднем крае нашей обороны. Семь дней она ведет стрельбу по немецким автоматчикам и минометчикам, поддерживая действия нашей славной пехоты. И нигде врагу не удалось просочиться в наше расположение.

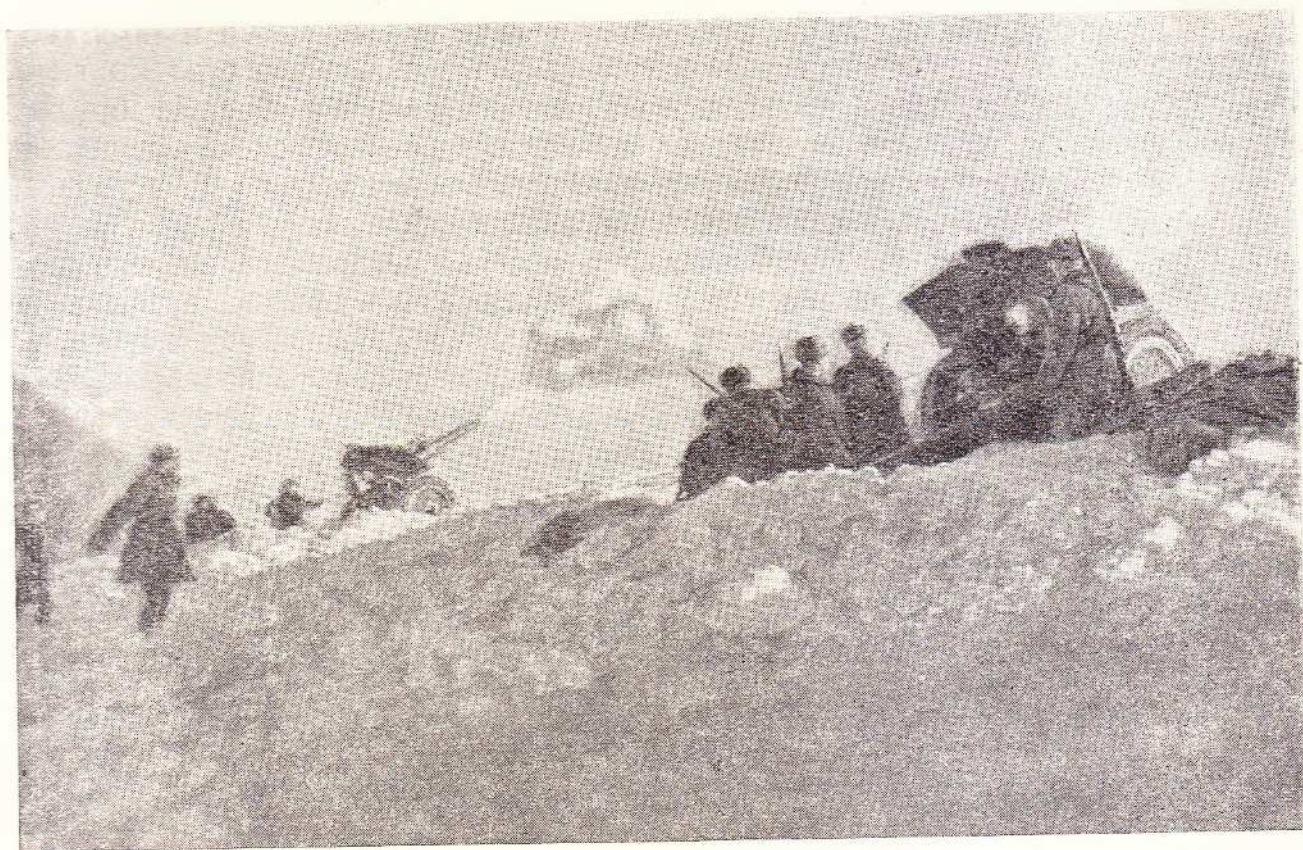
30 ноября приходит приказ сняться с позиции и перейти к деревне Кио. Там сложилась тревожная обстановка. Там грозит прорыв неприятеля к Округной железной дороге.

Поздним вечером батарея прибывает на новое место и занимает указанную ей огневую позицию. Здесь бойцы узнают, что эта точка для расположения батареи определена верховным командованием. Люди поняли: сам великий полководец Страны Советов, сам Сталин следит за действиями зенитчиков-артиллеристов!

В этом была радость и гордость каждого бойца и командира. Но тем большей была ответственность каждого.

Обстановка усложнялась. С возрастающим упорством враг рвался к Москве. На нескольких участках наши отошли. Временами утрачивалась связь батареи с командованием.

Полночь. Батарея заканчивает окапывание. У крайней избы сходится группа командиров и красноармейцев. В поле метет и воет ветер. Небо мглистое. Перед нашими огневыми точками — спуск к овражку. Там, дальше, за оврагом, шоссе поднимается к деревне Горки. Слева, на фланге наших огневых позиций, овражек превращен в длинный противотанковый ров. На подъеме из овражка — деревенька Нестериха.

Вперед, на запад! Пробивая дорогу пехоте, батарея лейтенанта Бирюкова ведет огонь по врагу с открытых позиций.

Там и в Горках — немцы. Оттуда ожидается атака. И, собравшись вместе, бойцы и командиры долго молчат. Все детали, насколько их можно предвидеть, уже обдуманы и решены. Приказ дан Сталиным. Приказ должен быть выполнен.

Все знают, что испытание будет серьезным. И знают, что здесь надо стоять насмерть, биться до последней капли крови.

И в это время им принесли известие: Ростов взят нашими войсками. Немцы разгромлены и бегут.

Никогда не забываются такие моменты. Кажется, крылья выросли за спиной. Забыты были и мороз, и ветер, и летучая мгла, носившаяся по полю. Но глубокая радость, охватившая всех, была сдержанной.

Вернувшись к своему орудию, Шадунц послал очередных бойцов в прикрытие отдохнуть и выспаться. Но никто не захотел уйти. Все нетерпеливо ждали начала боя.

В 5 часов утра, когда было еще темно, завывли первые мины. Немцы повели огонь по всему участку фронта. Огонь велся с расстояния километра в три и с каждой минутой становился сильнее и сильнее. Это была подготовка к атаке. Каждое мгновение можно было ждать появления неприятельских танков. У орудия товарища Шадунца вдруг раздался стон — упал красноармеец Алексеев. У него оказалось серьезное ранение. Он выбыл из строя.

Рассвело. Огонь минометов не утихал. Наступил полдень. На небе, затуманенном морозной мглой, пробилось чахлое декабрьское солнце. Оно успело завершить свой короткий зимний путь и стало уже склоняться к верхушкам леса за Нестерихой, а немцы все еще не начинали атаки. Огонь же минометов свирепствовал, не ослабевая.

К четырем часам дня, когда уже засинели зимние ранние сумерки, из деревни Горки на шоссе показался тяжелый головной фашистский танк. Он был хорошо виден с пригорка перед деревней Кио. Итак, вот она, первая встреча с бронированным врагом!

За головным танком вышли из деревни десять средних. Они развернулись в две шеренги и спускались вниз к овражку, держа курс прямо на наши позиции. Сопровождавшие движение танков минометчики и автоматчики открыли концентрированную стрельбу по нашим огневым точкам. Расчеты двух наших орудий были выведены из строя и замолкли. В третьем же орудийном расчете оставался не выведенным из строя только один человек — командир орудия комсомолец Громышев. Он сам заряжал, сам следил за совмещением орудийной стрелки с прицельной стрелкой, сам стрелял.

Тяжелый головной танк приближался; его отделяло от орудия Шадунца уже не более восьмисот метров. И все усиливался огонь неприятеля... Вот и орудие Громышева смолкло, подбитое. Орудие же

Зимний фронт. Бесстрашно и умело действует орудийный расчет сержанта Е. Соложникова. Меткие артиллеристы подбили восемь вражеских танков.

Шадунца выжидало. Насторожившись, командир выбирал наиболее подходящий момент, чтобы нанести верный удар. Сумеречное небо начало темнеть, но на земле видимость была еще отчетливой.

И когда Шадунц подал команду к стрельбе бронебойным снарядом и загредел выстрел, фашистский головной танк как-то словно осел и остановился. Его лобовая броня раскололась от верха почти до середины. Три фашистских танкиста выскочили из кабины и бросились бежать к деревне. Остальные так и остались в танке, очевидно, пораженные насмерть.

Теперь орудие Шадунца выпускает снаряд за снарядом по фашистским танкам и по минометчикам. Восемьдесят снарядов обрушивает оно на атакующих, поддерживая огонь нашей пехоты.

Вся группа немецких танков поворачивает назад и стремится укрыться в деревне. Там настигает отступающих фашистов бронебойный снаряд товарища Шадунца и разбивает еще один танк. В сумерках он вспыхивает ярким костром.

Первая танковая атака кончается. Батарея отводится за деревню: необходимо устранить нанесенный неприятелем ущерб и привести орудия вновь в полную боевую готовность.

И в тот же вечер орудия возвращаются на свои точки. Расчеты изготовляются к бою. Наступает ночь, синяя декабрьская ночь — чистое небо, пылающие яркие звезды. Такой же чистый небесный полог и такие же сияющие звезды, как бывает на далеком юге, в родном для Шадунца Нагорном Карабахе. В эту ночь Шадунц вспомнил своего отца. Сейчас ему перевалило за девяносто. Лес и горы были его стихией, его не страшили никакие невзгоды, никакие лишения, он никогда не знал никаких болезней. И попрежнему бодр был старый охотник. Было у него шестнадцать детей. Семерых похоронил, ушла в могилу жена. Трех сыновей отправил в армию. «И сам бы пошел», говорил старик. Крепкий горный дуб! Если бы видел старый охотник эту охоту за черной фашистской дичью, эти два танка, подбитых его сыном!

4

Ночь под 2 декабря оказалась не похожей на тихую предыдущую ночь. В самом начале первого часа тишину прорезал минный вой. Противник опять начал огневую подготовку к атаке.

На переднем крае наших позиций два орудия — расчет Громышева и расчет Шадунца. Два других из их батареи расположились в глубине, позади.

С полуночи до полудня огонь фашистских минометов не прекращался и не ослабевал. В полдень фашисты концентрируют свой огонь на орудиях Громышева и Шадунца. Они берут наши огневые точки в пылающее кольцо разрывов. Еще три с лишним часа длится обстрел. Кольцо огня тесно сжимает наши орудия. Наконец, около 16 часов, появляются танки. На этот раз они выходят не из Горок, а из деревни Нестерихи, расположенной с левого фланга. Таким образом,

Зима 1941—1942 годов. Днем и ночью громил фашистские гнезда на землях Смоленщины расчет тяжелого орудия старшего сержанта А. Омельченко, поддерживая наши наступающие войска.

предстоит фланговая атака. И первый удар должно принять орудие Громышева, расположенное слева от орудия Шадунца.

Танки выходят из деревни густой колонной; они хорошо видны, бойцы считают их: больше двадцати! Тяжелый головной командирский танк держит курс на шоссе. Часть танков, пройдя небольшое расстояние, начинает маневрировать и скрывается. Из засады они открывают сосредоточенный огонь по нашим орудиям.

А головной танк ползет вперед, и за ним — основное ядро вражеской танковой группы. Первым открывает огонь по танкам орудие Громышева. Но сейчас же замолкает. Неприятель поражает позицию товарища Громышева, орудийный расчет выводится из строя; сам Громышев убит. Снова, как и накануне, орудие Шадунца остается единственным на переднем крае обороны. И основной огонь неприятеля концентрируется теперь на нем.

Шадунц подает команду «огонь!», когда головной фашистский танк подходит близко к шоссе. Снаряд бьет в самое основание танковой башни, и она валится на снег. «Ура! Башня улетела!» кричат наши пехотинцы.

Фашистская машина замирает. Три танка направляются к ней с

очевидной целью прицепить и вывести ее из боя. Они подходят, останавливаются; фашистские танкисты быстро выпрыгивают из своих машин, кидаются к подбитому танку. Тогда Шадунц подает команду: «По фашистам, гранатой, трубка 17, прицел 8, угломер ноль — огонь!» Снаряд разрывается над группой бандитов. Как ошпаренные, они бросаются в стороны и быстро удирают, снова каждый в свою бронированную кабину.

Фашистские танки пытаются развернуться и построиться. Но втропях маневрируют неискусно, лезут друг на друга, смешиваются в беспорядочную кучу. Наконец им все-таки удается снова построиться в боевой порядок, и они возобновляют свое движение вперед. Фашисты яростно стреляют. Их танки все ближе. Но еще один удачный, меткий выстрел орудия Шадунца — и еще один немецкий танк подбит и останавливается. Наводчик ефрейтор Борис Егорович Баранов может гордиться точной наводкой.

Огонь неприятеля так силен, так учащен, разрывы лежат так близко около орудийного расчета, что каждому приходится избегать всякого лишнего движения. Опасно даже менять место. Но наводчик Баранов без особых объяснений, без подробного показа, с полуслова понимает своего командира, безошибочно берет ту цель, которую кратко обозначает командир.

И заряжающий Василий Петреев также без слов понимает командира, весь слившись с другими в одном боевом напряжении.

Боец Конев, 4-й номер орудийного расчета, ведет в этой бушующей, раскаленной атмосфере боя работу, которая требует самого выдержанного хладнокровия, спокойствия и точности. Он управляет совмещением орудийной стрелки со стрелкой прицела. Командир орудия Шадунц стоит вплотную рядом с Коневым, чтобы во-время уловить глазами малейшую неточность, какую может просмотреть боевой товарищ. Головы их прильнули одна к другой, каждый слышит дыхание другого.

Орудие усиливает стрельбу. Но все бешенее огонь неприятеля по выдавшейся вперед нашей огневой точке, которую ему никак не удается подавить. Словно огненные тиски сжимаются вокруг орудийного расчета Шадунца. И вот с воем разрывается мина на бруствере, почти у самых колес орудия. Красноармеец Панкратов падает убитым. Красноармеец Конев отпрянул назад. Кровь заливает его лицо, заливает и лицо Шадунца, — так близко прижата была голова одного к голове другого. Осколок попал Коневу в голову.

Но Конев не хочет уходить в укрытие. И когда командир настаивает, чтобы он шел на перевязку, Конев возражает: «А кто же будет за меня? Это не простое дело — совмещать стрелки».

Под огнем к орудию подползает комиссар батареи Сажнев. В самый острый момент комиссар является на самый передний, на самый угрожаемый пункт наших позиций. И только по приказанию Сажнева Конев уходит.

А на его место становится Шадунц. Теперь он ведет совмещение

Бойцы штурмовали село Архангельское. Секретарь комсомольского бюро части политрук Н. Бочаров захватил фашистскую пушку и открыл из нее губительный огонь по врагу. Немцы обстреливали бесстрашного комсомольца из пулеметов и минометов. На нем уже горела шинель, но политрук продолжал сражаться, пока не подавил вражеские огневые точки. Воинская доблесть Бочарова решила успех боя: враг был выбит из села. Бочарову присвоено звание Героя Советского Союза.

стрелок и как командир подает команду, указывает цели и корректирует огонь. Но не напрасно в этом орудийном расчете каждый боец может при нужде заменить любого товарища. Красноармеец Волошин, 3-й номер, становится на место раненого Конева и освобождает командира.

А опасность все возрастает. Вот они, фашистские танки, совсем близко от орудия Шадунца. И огромным усилием воли молодой командир заставляет себя в этот грозный момент быть спокойным. Спокойно, ровно работают и все его товарищи по орудийному расчету: каждый из них уверен друг в друге и каждый весь отдается тому делу, которое возложено на него.

Подбит еще один танк. Это уже третий. Линия атакующих танков снова ломается. У врага замешательство: на протяжении нескольких минут у него выводится из строя машина за машиной. Меж тем наша оборонительная линия усиливает огонь. И неприятельские танки поворачивают к Нестерихе. Но зато враг обрушивает шквал огня на орудие Шадунца, прикрывая тем отход танков.

А к орудью смельчаков все трудней становится подносить снаряды. Их доставляют ползком. Ползет со снарядами шофер Люлихин.

И лейтенант Земляков, командир взвода управления, оказавшийся рядом, берется ему помогать. Они надевают себе на плечи веревочную петлю, привязывают к ней снаряды и так ползком подтаскивают их, волоча эту упряжь за собой по земле.

Но вот и передвижение ползком делается невозможным. Разрывы снарядов и мин бешено клокочат вокруг. Тогда лейтенант Земляков и шофер Люлихин придумывают военную хитрость. Люлихин распутывает веревочные ляжки, надвязывает их вместе, и у него получается длинный канат. Люлихин становится у машины за прикрытием. Лейтенант Земляков располагается близко к самому орудью в окопе. На один конец каната Люлихин привязывает три снаряда, а другой, свободный конец метко бросает с размаху в окоп к Землякову. Земляков ловит конец и подтаскивает к себе снаряды. Затем, отвязав снаряды, он перебрасывает веревку обратно к Люлихину. И так беспрерывно под жестоким свинцовым огнем работает этот своеобразный боевой конвейер.

А Шадунц наблюдает за вражеским фланговым огнем. Фашистские танки ушли в деревню Нестериху, стали за прикрытия. За одной избою Шадунц замечает два немецких танка. Очевидно, там они считают себя невидимыми и неуязвимыми. Командир отдает приказ: бить гранатой по избе. И снова безукоризненно точна наводка ефрейтора Баранова. С первого же выстрела изба разваливается и открывает один тяжелый, другой средний танк. Тяжелый маневрирует так, чтобы прикрыть собой средний. Но оба хорошо видны нашему орудийному расчету. Новая команда Шадунца: «бронбойными по танкам». Один, другой, третий выстрел — и тяжелый танк разваливается. Это уже четвертый фашистский танк, разбитый за день орудийным расчетом товарища Шадунца. Средний фашистский танк поворачивает вспять, чтобы

удрать за какое-либо прикрытие. Но удары доблестного и неутомимого орудийного расчета настигают его: один снаряд попадает наконец в моторную часть танка, танк воспламеняется и начинает гореть. Это уже пятый на счете Шадунца за славный боевой день. Немецкие танкисты, выскочив из танка, пустились наутек. Теперь отступление танков пытается прикрыть фашистская пехота. А орудийный расчет Шадунца осыпает ее гранатами.

Наступает вечер. Бой смолкает. Атаки фашистов отбиты. Фронт у Хлебникова не дрогнул. Приказ Сталина был выполнен.

Орудийный расчет комсомольца Шадунца выдержал боевой экзамен. То, что они совершили, было потом названо подвигом, им же казалось, что они просто выполнили долг — сделали порученное им дело, как и следовало его сделать. Недаром так тщательно готовились люди этого расчета к боевым испытаниям. Никакие неожиданности и случайности в ходе сражения не внесли замешательства в сплоченный, сработавшийся и связанный крепкой армейской дружбой боевой коллектив. Орудийный расчет товарища Шадунца оказался на высоте той задачи, какую поставило перед ним командование в ходе исторической битвы под Москвою.

И после боя старший сержант Гайк Авакович Шадунц, произведенный в младшие лейтенанты, был принят в ряды ленинско-сталинской партии.

Он награжден орденом Красного Знамени.